



Война Владимир

Двадцать шагов к сердцу Кантона

18+

Война Владимир

Двадцать шагов к сердцу Кантона

«Автор»

2026

Владимир В. В.

Двадцать шагов к сердцу Кантона / В. В. Владимир — «Автор»,
2026

Продолжаем путешествие по Китаю. Я прилетел в Гуанчжоу с одним лишь вопросом: готов ли я принять дары этого города? В ответ получил двадцать дней, которые переписали моё представление о путешествиях. От влажных аллей острова Шамянь, где столетние баньяны помнят шаги британских офицеров, до грохочущего рынка Цинпин, где скорпионы жарятся на глазах. От тишины мавзолея с нефритовым костюмом до световой симфонии Башни Кантон. От резьбы Академии Чэнь до киберпанка электронного рынка Гандин. Это не просто путеводитель. Это роман-странствие. Это приглашение услышать тихое сердце Города Цветов. Принять его?

© Владимир В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Двадцать шагов к сердцу Кантона

Глава

Пролог: Легенда о Пяти Небожителях

Говорят, давным-давно, когда этих небоскрёбов ещё не было и в помине, а Жемчужная река текла сквозь дикие холмы, на месте нынешнего Гуанчжоу была бедная рыбацкая деревушка. Земля здесь была скудной, рис не родился, и люди веками глядели в небо с одной лишь мольбой: «Дайте нам знак, что мы не забыты».

И небо ответило.

Однажды утром, когда туман стелился над водой плотнее шёлка, с облаков спустились пять небожителей. Они восседали верхом на пяти горных козлах — разноцветных, как само мироздание: чёрный, белый, золотой, красный и синий. В зубах каждый козёл держал по рисовому колосу. Небожители спустились на каменистый холм, вручили крестьянам связки риса и повелели: «Отныне пусть город ваш не знает голода. Будет здесь вечное изобилие».

Как только духи вознеслись обратно в облака, козлы окаменели и превратились в скалы, а брошенные колосья проросли первым золотым урожаем. С тех пор Гуанчжоу называют «Городом Козлов» и «Городом Цветущего Риса». Говорят, если приложить ладонь к камню Пяти Козлов в парке Юэсю, можно услышать далёкое блеяние и почувствовать биение древней благодати.

Когда мой самолёт заходил на посадку, я прильнул к иллюминатору. Внизу, насколько хватало глаз, расстилалась дельта Жемчужной реки — гигантская живая карта, расчерченная серебряными нитями каналов. Я искал глазами тех самых каменных козлов, но вместо них увидел совсем другое: 600-метровую Башню Кантон, пронзающую тропические облака, словно новое божество из стекла и стали. И тут я понял: легенда не умерла. Она просто сменила форму. Небожители пересели с козлов на скоростные поезда, а изобилие теперь отливают не из риса, а из света, тканей, специй и идей.

Я ступил на трап с одним вопросом: готов ли я принять дары этого города?

Двадцать дней, двадцать глав. Древние храмы и оптовые рынки, нефритовые саркофаги и коктейли на сотом этаже, скорпионы на палочке и утренний димсам, от которого закрываешь глаза от счастья. Всё это — Гуанчжоу.

Пойдёмте. Козлы уже окаменели, а рис ещё дымится. Наше путешествие начинается.

Глава 1. Прибытие: Первый вдох Кантона

Трап ещё гудел под ногами, а меня уже окутало влажное одеяло июньского полудня. Не жара, нет — скорее объятие. Субтропики встречают иначе: воздух здесь не вдыхаешь, а словно пьёшь, густой и пряный, настоящий на цветущих магнолиях и близкой воде. После десяти часов полёта тело помнит только гул турбин, но здесь этот гул сменяется другим — непрерывным, как пульс, гулом мегаполиса.

Я приземлился в международном аэропорту Байюнь. Если добираться из Москвы, прямой рейс «Аэрофлота» идёт около 10 часов — цены туда-обратно стартуют от 35 000 рублей, но можно поймать акцию. Второй вариант — через Пекин или Шанхай с южными авиалиниями: дешевле, но дольше.

Здание аэропорта огромно, но интуитивно понятно. Указатели дублированы на английском, а улыбчивые волонтеры в жёлтых жилетах считывают растерянность быстрее, чем я успеваю достать телефон. Сразу у выхода из зоны прилёта покупаю сим-карту China Mobile: 120 юаней за 20 ГБ интернета. Без местного номера здесь как без рук: все карты, заказы такси, оплаты — через приложения.

До города три варианта. Первый — метро. Линия 3, прямой вагон до центра, около часа, билет смешной — 10 юаней. Второй — скоростной автобус-экспресс, чуть дороже, зато сидишь и смотришь на проплывающие мимо пальмы. Третий — такси. Я беру такси. Правило, которое я выучил заранее и теперь повторяю как мантру: всегда имей адрес отеля на китайском. Не на английском, не на слух — на китайском, на экране телефона или на бумажке. Водитель кивает, нажимает кнопку таксометра, и машина плавно вливается в поток.

За окном начинается Гуанчжоу. Сначала — эстакады, оплетённые жимолостью, потом — жилые башни, похожие на гигантские соты, с сохнувшим на балконах бельём. И вдруг, без предупреждения, город расступается, и я вижу её — Жемчужную реку. Широкая, коричневато-зелёная, она несёт свои воды величественно и медленно, как и тысячу лет назад, когда никакого Гуанчжоу ещё не было, а была только легенда о пяти козлах и горсти риса.

На том берегу сверкает Башня Кантон — стройная, как танцовщица перед выходом на сцену. Рядом с ней — две гигантские гальки Оперного театра. Я вспоминаю небожителей и вдруг понимаю: они никуда не ушли. Они просто научились строить небоскрёбы.

Такси сворачивает в лабиринт улиц. Мелькает вывеска с иероглифами, лоток с дымящимися паровыми булочками, старуха с корзиной личи. Запах в машине меняется: к магнолиям примешивается что-то острое, имбирное. Город не просто ждёт — он уже со мной говорит, пока я ещё даже не вышел из машины.

Я сжимаю в руке паспорт, ключ от номера пока не получен, но я уже здесь. Гуанчжоу. Город Козлов. Город Цветов. Мой путь начинается прямо сейчас.

Глава 2. Три ночлега, или Как я выбирал дом

Первый вопрос, который задаёт город: «Где ты остановишься?» И от ответа зависит всё. Можно жить в стерильной коробке и видеть Гуанчжоу через стекло такси. А можно поселиться так, чтобы город просачивался в тебя даже сквозь сон — шумом листьев, плеском фонтанов, далёким цоканьем палочек для еды из открытого окна.

Я решил попробовать три разных Гуанчжоу на ощупь.

Первый: Садовая фантазия. The Garden Hotel

Начну с роскоши, потому что иногда нужно баловать себя сразу. The Garden Hotel стоит в самом сердце делового района Юэсю — огромный, величественный, с фасадом, подсвеченным золотом. Я толкнул тяжёлую дверь и замер. Атриум высотой в десять этажей. Настоящий водопад, падающий в бассейн с золотыми карпами. Мостик над водой. Живые пальмы, лианы, свисающие с балконов внутренних галерей. На секунду показалось, что я не в отеле, а в ботаническом саду, куда по ошибке поставили стойку регистрации.

Номер (от 700 юаней за ночь) — царство белого мрамора и шёлка. Я вышел на балкон и увидел закат над старым Гуанчжоу. Где-то там, за грядой небоскрёбов, прятался парк Юэсю с теми самыми окаменевшими козлами. Я обещал себе навестить их.

Но истинный восторг случился утром. Завтрак в Garden Hotel — это опера. Отдельный зал, залитый солнцем, где подают только димсамы. Тележки с бамбуковыми пароварками подплывают бесшумно, словно лодки. Я взял хар гау — креветочные пельмени, просвечивающие розовым сквозь тончайшее тесто, — и замер. Вкус был таким чистым, что казалось, я впервые в жизни попробовал креветку.

Второй: Молодость и гитара. YHA Hostel на набережной

На третий день я сменил декорации. Сел на метро, доехал до станции Fangcun, перешёл мост и оказался в другом измерении. Хостел YHA приютился прямо у кромки Жемчужной реки — скромный, белёный, с выцветшей вывеской.

Койко-место в общем номере стоило всего 60 юаней. В углу стояла гитара. На подоконнике — стопка книг на китайском, английском и бог весть каком ещё языке. За окном медленно, словно киты, проплывали баржи с песком и прогулочные теплоходы.

Соседями оказались художник из Шэньчжэня и студентка из Мельбурна. Вечером мы сидели на крыше, свесив ноги, пили дешёвое пиво из ближайшего Seven-Eleven и смотрели, как зажигается Башня Кантон. Художник рассказывал, что приехал зарисовывать старые улицы, пока их не снесли. Австралийка учила нас произносить тост на кантонском диалекте — он звучал как музыкальная фраза, конец которой уходит вверх. В ту ночь я спал под далёкий гудок речного парома и чувствовал себя странником из старого романа.

Третий: Легенда на острове. White Swan

И всё же настоящий дом я нашёл на острове Шамянь.

White Swan Hotel стоит здесь с 1980-х — первый пятизвёздочный отель страны, открытый после реформ Дэн Сяопина. Цена — от 900 юаней за ночь. Но дело не в цене, а в истории. В этом лобби когда-то пили чай Маргарет Тэтчер и Генри Киссинджер. Я провёл ладонью по перилам лестницы, ведущей к зимнему саду, и подумал: сколько рук здесь касалось дерева?

Мой номер выходил окнами на реку. Утром, едва рассвело, я спустился в лобби и вышел прямо в парк. Шамянь не похож на остальной Китай — здесь узкие улочки, старые платаны, неоготические шпили бывшей французской церкви. В воздухе пахло кофе и сырой листвой. Двое стариков играли в сянци — китайские шахматы, — а их внучка бегала за пушистой белой собакой, похожей на облачко.

Именно здесь, на острове Шамянь, я почувствовал, что Гуанчжоу принял меня. Не как туриста — как гостя.

Я бросил сумку в номер, снял кроссовки и босиком прошёлся по деревянному полу. За окном шумела листва. Где-то далеко, за мостом, ревел мегаполис. А здесь — тишина. Только колокольчик на двери соседней чайной лавки позвякивал на сквозняке.

Я сел на подоконник и открыл блокнот. Предстояло двадцать дней. Двадцать глав. И я знал, с чего начну завтра — с храма, где шесть баньяновых деревьев прячут тысячелетнюю пагоду.

Но это уже совсем другая история.

Глава 3. Шамянь: Остров, где время течёт медленнее

Есть места, которые не вписываются в общий ритм города. Они существуют словно в скобках — вынесенные за пределы суеты, укутанные в тишину, как в плотный южный туман. Шамянь — именно такое место.

Я вышел из лобби White Swan ранним утром, когда солнце ещё пробивалось сквозь листву косыми золотыми столбами. Швейцар в белой униформе, похожий на капитана океанского лайнера, приложил ладонь к фуражке и улыбнулся: «Гулять? Хороший выбор». Я кивнул и шагнул в лабиринт тенистых аллей.

Остров Шамянь невелик. Когда-то, в середине XIX века, после Опиумных войн, британцы и французы получили здесь концессию. Они осушили песчаную отмель — само название «Шамянь» означает «Песчаная коса» — и принялись строить свой мир в сердце Кантона. Консульства, церкви, особняки с верандами. Платаны и баньяны, привезённые из колоний, пустили корни в южную землю и разрослись так, что теперь их кроны смыкаются над улицами, образуя зелёный свод.

Я шёл по мостовой, вымощенной брусчаткой — настоящей, стёртой миллионом шагов. Никаких машин. Только редкий велосипедист прошелестит шинами, да стайка детей пробежит с воздушным змеем. Воздух здесь особенный: пахнет влажным камнем, старым деревом и чем-то сладким — кажется, османтусом, который цветёт в палисадниках у каждого дома.

Первым меня встретил бывший французский католический собор — сейчас здесь ЗАГС. Неоготические шпили, стрельчатые окна, выцветшая охра стен. На ступенях стояла пара молодожёнов. Она — в белом платье, с фатой, развевающейся на ветру. Он — в строгом костюме, с галстуком-бабочкой. Фотограф, согнувшись в три погибели, ловил «тот самый кадр». Я отошёл

в сторону, чтобы не мешать, и подумал: сколько здесь сыграно свадеб? Сколько судеб началось на этих ступенях?

Чуть дальше — англиканская церковь, строгая, без излишеств, словно перенесённая сюда напрямую из викторианского Лондона. Рядом — здание бывшего британского консульства, ныне музей. Я заглянул внутрь. Вход бесплатный, в залах пусто и прохладно. Пожелтевшие карты на стенах, фотографии старого Кантона: джонки на реке, лодочники в плетёных шляпах, европейские дамы с зонтиками. История здесь не спрятана за стекло — она проступает сквозь стены, как старые чернила на промокашке.

Но самое удивительное место на Шамяне — не церковь и не консульство. Это мостик.

Маленький, горбатый, перекинутый через канал, что отделяет остров от Большого Гуанчжоу. Я стоял на нём и смотрел, как по одну сторону — тишина и платаны, а по другую — гудящая многополосная магистраль. Два мира, разделённые десятью метрами воды. На перилах моста сидел старик-художник. Перед ним — мольберт, на мольберте — акварель: те же платаны, та же церковь, но написанные мягкими, тающими мазками, словно увиденные сквозь дымку времени. Я спросил, продаёт ли он свои работы. Он молча кивнул и поднял пять пальцев. Пятьдесят юаней. Я выбрал ту, где церковь выходила не готической, а какой-то домашней, почти сказочной. Свернул в трубочку, спрятал в рюкзак. Теперь Шамянь всегда со мной.

Ближе к полудню я нашёл крошечную кофейню в переулке. Она пряталась за старыми жалюзи, и с улицы её выдавал только запах — густой, горьковатый, с ноткой карамели. Внутри — три столика, полка с книгами на кантонском, девушка-бариста в переднике. Я заказал капучино (28 юаней) и сел у окна. Ветка платана стучала в стекло. Девушка принесла кофе, и я заметил, что на пенке выведен цветок лотоса. «Красиво», — сказал я. Она улыбнулась: «Это Шамянь. Здесь всё должно быть красиво».

Я провёл на острове почти весь день. Просто бродил, сворачивал в тупички, заглядывал во дворы, гладил кошек, что нежились на солнце у старых фонтанов. К вечеру вышел к набережной. Река здесь делает плавный изгиб, и противоположный берег — сплошная стена небоскрёбов. Они сверкали в закатных лучах, как гигантские зеркала. А на моём берегу всё было по-прежнему тихо. Только колокольчик на чайной лавке звякнул, да где-то далеко запела скрипка — уличный музыкант репетировал кантонскую мелодию, тягучую, как речная вода.

Шамянь не пытается быть современным. Он не пытается быть древним. Он просто есть — как те пять козлов из легенды, что окаменели и остались стоять среди рисовых полей. Только здесь вместо риса — брусчатка, а вместо козлов — старые платаны, помнящие шаги британских офицеров и французских миссионеров.

Я вернулся в отель, когда фонари уже зажглись. Швейцар всё так же улыбнулся: «Хорошо погуляли?» Я кивнул. «Шамянь, — сказал он, — это сердце Гуанчжоу. Только тихое сердце. Не все его слышат».

Я услышал.

Глава 4. Храм Шести Баньяновых Деревьев: Там, где небо слушает

Утро началось с дождя. Не с ливня — с той мелкой, почти невесомой мороси, которую кантонцы называют «цветочной пылью». Она не мочит, а скорее гладит лицо, оставляя на коже влажное обещание скорой жары. Я вышел из отеля, пересёк мост с Шамяня и нырнул в метро. Станция Gongyuanqian — «Перед парком» — встретила меня шумом и толкотнёй, но я быстро выбрался наверх и оказался в районе Юэсю.

Здесь Гуанчжоу другой. Не парадный, не стеклянный, а старый, немного обшарпанный, но бесконечно живой. Узкие улицы, где над головой на бамбуковых шестах сушится бельё. Лотки с жареными каштанами, источающими сладковатый дым. Лавка, где старик в майкесеточке разделяет рыбу прямо на тротуаре, и чешуя летит во все стороны серебряными блёстками. Я купил пакетик личи за 10 юаней — нежно-розовые, колючие, они лопались во рту прохладным соком.

Храм Шести Баньяновых Деревьев, или Люжун, появляется неожиданно. Только что ты шёл сквозь крики торговцев и рёв мопедов, и вдруг — тишина. Стена цвета охры, за ней — зелёное море крон. Входной билет стоит всего 5 юаней, но ещё 10 я отдал за право подняться на Пагоду Цветов.

История этого места уходит в V век, но своё поэтичное название храм получил в XII столетии. Великий поэт Су Дунпо, сосланный на юг, увидел шесть старых баньянов, что росли во дворе, и написал два иероглифа: «Шесть Баньянов». С тех пор название прилипло. Деревьев тех давно нет, но на их месте посадили новые, и теперь они снова тянут к небу узловатые ветви, с которых свисают воздушные корни — тонкие, как струны.

Я прошёл через внутренние ворота. Справа — Зал Небесных Королей, где четыре гигантских стража с каменными лицами смотрят в разные стороны света. Один держит меч, другой — лютню, третий — змею, четвёртый — зонг. Каждый из них отвечает за свой сезон, свою стихию. Перед статуями — бронзовые курильницы, и дым от сандаловых палочек поднимается к потолку, закручиваясь в ленивые спирали.

Но главное — Пагода Цветов. Она возвышается над храмом на 57 метров — девять этажей, хотя снаружи кажется, что их всего шесть. Китайская архитектурная хитрость: скрытые ярусы создают иллюзию, что пагода парит, а не стоит. Цвет стен — выгоревший терракотовый, и когда солнце пробивается сквозь тучи, кажется, что башня загорается изнутри.

Лестница внутри — испытание. Ступени крутые, каменные, стёртые миллионами ног. Пролёты такие узкие, что плечи задевают стены. Я поднимался медленно, стараясь дышать ровно. На третьем ярусе меня обогнала бабушка — сгорбленная, с палочкой, она просеменила мимо с такой скоростью, будто каждый день бежит тут марафон. Я усмехнулся и продолжил путь.

На пятом ярусе — крошечный балкон, выходящий на восток. Я выглянул и обмер. Город открылся как на ладони: черепичные крыши старого Юэсю, ползущие вверх жилые башни, далеко-далеко — блестящая полоска Жемчужной реки. И над всем этим — Башня Кантон, которая отсюда, из храмового окна, казалась не современной, а какой-то мистической, словно посох небожителя, воткнутый в землю.

На самом верху ветер был сильным. Он трепал флаги на шпиле, забирался под рубашку. Я стоял один. Только небо вокруг, только город внизу. И вдруг я услышал звук — не колокол, не гонг, а что-то среднее: низкое, вибрирующее. Это ветер ударил в медную табличку, подвешенную под карнизом. Один удар. Потом другой. Я вспомнил, что читал где-то: буддисты верят, что звук ветра в пагоде — это голос сутр, читаемых самой природой.

Спускался я медленно, придерживаясь за перила. Внизу, во дворе, сидела та самая старушка, что обогнала меня на лестнице. Она отдыхала на каменной скамье и лущила семечки. Я подошёл и, поклонившись, спросил на ломаном китайском, как часто она сюда приходит. Она не поняла моего мандарина, но сосед-монах перевёл на кантонский. Старушка засмеялась, показала три пальца. Три раза в неделю. Потом вдруг посерьёзнела, тронула меня за рукав и сказала — монах перевёл: «Чтобы удача пришла, нужно обойти пагоду три раза. Только по часовой стрелке. И думать о хорошем. Если думать о плохом — не работает».

Я обошёл. Три раза, по часовой. Думал о том, что хочу вернуться сюда когда-нибудь, может быть, через много лет. Думал о людях, которых люблю. О рисе, что пророс из колосьев небожителей.

У выхода я купил в храмовой лавке маленький амулет — нефритовую подвеску в виде тыквы-горлянки (30 юаней). Тыква в китайской традиции — символ защиты от злых духов и болезней. Я повесил её на рюкзак. Теперь она путешествует со мной.

Вечером я сидел в чайной на соседней улице. Заказал пуэр (20 юаней за чайник), смотрел, как чайные листья разворачиваются в глиняной чаше. Дождь кончился. Над городом висела влажная дымка, и в ней огни небоскрёбов расплывались, как акварель на мокрой бумаге. Я

достал блокнот и записал: «Пагода, ветер, три круга. Старушка была права — думал о хорошем, и сработало».

Глава 5. Мавзолей Короля Наньюэ: Сон в нефритовом коконе

Иногда самое важное находится не на вершине, а под землёй.

Я вышел из метро на станции Yuexiu Park и прошёл совсем немного — музей прячется прямо напротив главных ворот парка, притворившись современным зданием из стекла и бетона. Никакой помпезности. Только красная вывеска и очередь из нескольких человек. Вход — 12 юаней. Я взял аудиогид ещё за 20, но честно скажу: он не понадобился. Тишина здесь говорит громче любого гида.

История этого места достойна романа. В 1983 году строители рыли котлован под новый отель и вдруг наткнулись на каменные плиты. Археологи, прибывшие на место, замерли: под землёй покоился нетронутый мавзолей возрастом 2100 лет. Ни мародёры, ни время не добрались до него. Внутри лежал Вэнь-ди — второй правитель царства Наньюэ, вассального государства, что когда-то занимало земли нынешнего Гуанчжоу и севера Вьетнама.

Я спускаюсь по пандусу. Свет тускнеет, воздух делается холоднее. И вот он — вход в гробницу. Узкий каменный проём, куда приходится входить, пригнув голову. Своды из красного песчаника. На стенах — следы древних росписей: облака, драконы, едва различимые, как воспоминания на грани пробуждения.

В главной камере я замираю.

Здесь, под стеклом, лежит то, ради чего я сюда пришёл. Нефритовый костюм. Тысячи тончайших пластин благородного зелёного камня, продырявленных по углам и соединённых золотыми нитями. Человеческая фигура, собранная из нефрита. Руки, ноги, грудь, голова — каждая часть тела укрыта своим фрагментом. Даже лицо закрыто нефритовой маской. Рядом — подушка из нефрита, затычки для ушей, зажимы для век. Всё, чтобы тело осталось нетленным.

Древние верили: нефрит — это не просто камень. Это мост между мирами. Он впитывает энергию неба и земли, хранит душу, не даёт ей раствориться в пустоте. Король готовился к вечной жизни с той же тщательностью, с какой живые готовятся к дальней дороге.

Я обхожу витрину по кругу. Свет падает так, что нефрит начинает светиться изнутри, и на мгновение кажется: фигура дышит. Глупость, конечно. Игра воображения. Но холодок по спине бежит самый настоящий.

В соседних залах — то, что король взял с собой. Бронзовые сосуды для вина, покрытые зелёной патиной. Колокола, что молчат двадцать один век, но, говорят, всё ещё способны звучать — их недавно записывали для какого-то фильма. Оружие. Украшения. И главное — нефритовая печать с именем Вэнь-ди, та самая, что подтвердила: в гробнице лежит именно он. Печать крошечная, помещается на ладони, но весит как целая эпоха.

Но больше всего меня поразили не сокровища, а люди.

В боковой камере, отделённой от королевской, лежали останки пятнадцати человек. Жёны, слуги, повара, музыканты. Все они отправились в загробный мир вместе с господином. Добровольно ли? Или по древнему закону? Надписи на стенах молчат. Только кости белеют в полутьме, и каждая пара глазниц смотрит в одну точку — туда, где когда-то лежал их король.

Я выхожу из мавзолея на поверхность, шурясь от яркого солнца. Контраст ошеломляет. Там, внизу, — вечность, тишина, золото и нефрит. Здесь, наверху, — крики торговцев, гудки машин, смех детей, что бегут в парк Юэсю кормить карпов. Жизнь кипит, не зная, что прямо под ногами у неё — целое царство мёртвых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.